

УДК [821.161.1+821.161.3]-311.2.09«19»

Жанрово-стилевая модификация русской и белорусской реалистической повести в контексте «деревенской прозы»

Крикливец Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В русской и белорусской литературах второй половины XX века происходит смена коммуникативной стратегии. Обращение писателей к креативистской эстетике ускорило преодоление границ нормативной. В литературе зародилось течение, ориентированное на поиск глубинных основ народной жизни.

Цель статьи — выявление причин и специфики жанрово-стилевой модификации русской и белорусской реалистической повести в контексте «деревенской прозы».

Материал и методы. Материалом изучения выступают повести русских и белорусских писателей-«деревенщиков» второй половины XX века. Методологическая база работы — труды отечественных и зарубежных литературоведов в области сравнительно-типологических исследований литературных явлений.

Результаты и их обсуждение. Во второй половине XX века в литературе зародилось течение, получившее название «деревенская проза». Писатели, преодолев каноны соцреалистического метода, начинают поднимать национально значимые проблемы, отстаивать идею национальной самобытности, раскрывать духовные устои народной жизни. Наибольшего расцвета в русле «деревенской прозы» достигают такие жанровые разновидности повести, как социально-бытовая, социально-психологическая и лирико-психологическая. В 1960–1970-е годы в контексте «деревенской прозы» формируется утопический дискурс. В рамках данного дискурса профанному настоящему противопоставляется идеальное прошлое. Социально-психологическая повесть 1970–1980-х годов обогащается неомифологическими приемами моделирования реальности. Использование в реалистической повести второй половины XX века элементов мифопоэтики актуализирует традиции онтологической и метафизической детерминации человеческого сознания, заложенные в реализме XIX века.

Заключение. В прозе писателей-традиционалистов происходит осмысление экзистенциальных категорий веры, безверия, жизни, смерти, судьбы, смысла человеческого существования. В поздней «деревенской прозе» усиливаются апокалиптические мотивы, связанные с осознанием разрыва современности и патриархального миропорядка. В период эстетической и когнитивной адаптации к новым историческим реалиям повесть оказывается наиболее мобильным жанром, способным совместить эпическое и психологическое, бытовое и бытийное, отразить жизнь в непрерывной динамике.

Ключевые слова: русская литература, белорусская литература, сравнительно-типологический анализ, художественный метод, жанрово-стилевая модификация повести.

(Ученые записки. — 2017. — Том 23. — С. 162–166)

Genre and Style Modification of Russian and Belarusian Realistic Tale in the Context of «Village Prose»

Kriklivets E.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

In the late XX century in Russian and Belarusian literatures a change in communication strategy is observed. Addressing creative aesthetics by writers accelerated crossing the boundaries of the normative one. A trend aimed at the search of deep sources of public life arose in literature.

The purpose of the article is to find out reasons and specificity of the genre and style modification of Russian and Belarusian realistic tale in the context of «village prose».

Адрес для корреспонденции: e-mail: kriklivec@mail.ru — Е.В. Крикливец

Material and methods. The research material is tales by Russian and Belarusian «village» writers of the late XX century. The methodological base is works of domestic and foreign literature critics in the field of comparative and typological studies of literature phenomena.

Findings and their discussion. A trend of the so-called «village prose» arose in the late XXth century literature. Writers, who overcame the standards of the method of socialist realism, started raising issues of national significance, supporting the idea of national identity, revealing spiritual bases of public life. Such genre variants of the tale as the social and everyday life, the social and psychological and the lyrical and psychological thrive within the trend of «village prose». In the 1960s — 1970s utopist discourse is shaped within «village prose». The profane present is opposed to the ideal past. The social and psychological tale of the 1960s — 1970s is enriched with neomythological techniques of reality modeling. Application in the realistic tale of the late XX century elements of mythological poetics actualizes traditions of ontological and metaphysical determination of human conscience which took root in the realism of the XIX century. Conclusion. In the prose of traditionalist writers understanding of the existential categories of faith, non-faith, life death, fate, sense of human existence takes place. In the late «village prose» apocalyptic motifs increase which are connected with understanding of the break of the present and the patriarchal world order. During aesthetic and cognitive adaptation to new historical realities the tale becomes a more mobile genre capable of combining the epic and the psychological, the everyday and the being, of reflecting life in continuous dynamics.

Key words: Russian literature, Belarusian literature, comparative and typological analysis, art method, genre and style modification of the tale.

(Scientific notes. — 2017. — Vol. 23. — P. 162–166)

Под художественным методом принято понимать культурно и исторически обусловленный способ отражения действительности, совокупность принципов отбора, обобщения и эстетического воплощения явлений действительности с позиций общественных идеалов, характерных для той или иной эпохи. Если рассматривать литературу как способ духовного обмена информацией, то художественный метод — это своего рода коммуникативная стратегия, сформировавшаяся в рамках определенной общности и периода времени.

Смена коммуникативной стратегии происходит в результате изменения субъекта, объекта и адресата художественной деятельности в связи с изменением понимания самой природы данной деятельности. Реализм второй половины XX века с эстетической точки зрения весьма неоднороден. Соцреализм, определивший вектор развития официальной советской литературы середины прошлого столетия, правомерно рассматривать как коммуникативную стратегию, свойственную модернистской парадигме. Поскольку именно в модернизме художественная деятельность ориентирована на целенаправленное воздействие на сознание адресата (читателя). Соцреализм как модернистская субпарадигма представляет собой инвариант императивной стратегии идеологически ангажированного политизированного письма. Определяющими в этом процессе коммуникации являются отношения автор—читатель, а референтная (предметная) сторона коммуникации организуется по заранее заданным эстетическим и содержательным канонам.

Во второй половине XX века в период кризиса «оттепели» в литературе зароди-

лось течение, ориентированное на поиск глубинных основ народной жизни. Обращение к истокам народной культуры несло в себе идею нравственно-религиозного обновления, которая в определенном смысле была противопоставлена дискредитировавшей себя государственной идеологии. Писателей, чьи творческие установки соотносились с данной тенденцией, стали называть «деревенщиками», поскольку сами они были выходцами из деревни, а значит, материалом для их произведений служила деревенская жизнь. Однако, как справедливо заметил А.И. Солженицын, «правильно было бы называть их нравственниками, ибо суть их литературного переворота — возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной наглядной предметностью» [1].

Цель статьи — выявление причин и специфики жанрово-стилевой модификации русской и белорусской реалистической повести в контексте «деревенской прозы».

Материал и методы. Материалом изучения выступают повести русских и белорусских писателей-«деревенщиков» второй половины XX века. Методологическая база работы — труды отечественных и зарубежных литературоведов в области сравнительно-типологических исследований литературных явлений.

Результаты и их обсуждение. «Деревенская проза» и исповедующая те же эстетические принципы «тихая лирика», по сути, представляют собой возвращение к традициям почвенничества, заложенным во второй половине XIX века. Идеи почвенничества тесно связаны с поиском пути развития государства в условиях социального перелома после крестьянской реформы 1861 года. При этом в белорусском лите-

ратуроведении понятия «почвенничество» и «деревенская проза» отсутствуют. Тем не менее нам представляется возможным говорить о том, что мировоззренческие и эстетические установки ряда белорусских писателей (Б. Саченко, И. Пташников, А. Осипенко, В. Адамчика, В. Козько, В. Карамазова и др.) коррелируют с идеями почвенничества, возродившимися в «деревенской прозе».

И русские, и белорусские писатели, преодолев каноны соцреалистического метода, начинают в своих произведениях поднимать национально значимые проблемы, отстаивать идею национальной самобытности, раскрывать духовные устои народной жизни. Творческий интерес писателей вызывает не советский характер, а национальный характер, не советская культура, а народная культура. Авторы проявляют стремление обнаружить в патриархальном укладе народной жизни нравственную сущность национального характера. В произведениях звучит мотив истоков, появляются образы-символы почвы и малой родины, человек изображается в неразрывной связи с природой. Деревня предстает как своего рода заповедник нравственности и чистоты, в то время как город представляется средоточием пороков.

По объективным причинам наибольшего расцвета в русле «деревенской прозы» достигают такие жанровые разновидности повести, как социально-бытовая, социально-психологическая и лирико-психологическая. Так, во второй половине 1950-х годов становится очевидно, что официальная советская литература далека от правдивого изображения послевоенной деревни. Одним из первых эту проблему поднял Ф. Абрамов в статье «Люди колхозной деревни в послевоенной литературе» (1954 г.). Не случайно в эти годы появляется ряд произведений, отличающихся особой публицистичностью и социальной заостренностью конфликтов, основная цель которых — показать истинное положение дел в колхозе, «вскрыть» болевые точки. Появляются и «пограничные» жанровые формы, основанные на интеграции (формальной или содержательной) повести с публицистическими жанрами (эссе, очерк, репортаж): Е. Дорош «Деревенский дневник», В. Овечкин «Районные будни», Ф. Абрамов «Вокруг да около». Интенсифицируется социально-бытовая повесть, позволяющая отразить социально-экономический кризис деревни 1950-х годов, показать бедственное положение крестьян в послевоенных колхозах: А. Кулаков-

ский «Дабрасельцы», И. Шамякин «Мост», А. Осипенко «Паплавы», А. Василевич «Шляхі-дарогі», И. Пташников «Чачык», «Не па дарозе» и др.

Изображение социально-экономического кризиса стало предпосылкой для размышления о кризисе духовном, для поиска нравственных основ человеческого бытия. Залог нравственного возрождения виделся в «естественной» жизни в гармонии с природой, в традиционном патриархальном укладе, хранителем которого оставалось крестьянство даже после варварского разрушения общинного мира. Этапным произведением в развитии «деревенской прозы» стала повесть В. Белова «Привычное дело». Колхозная действительность и городская среда противопоставлены в произведении вековому крестьянскому укладу, подчиненному естественному природному циклу. Этот уклад, как и преемственность поколений, «привычное дело» жизни, приобретают в повести сакральный смысл, выступают основой духовного очищения и возрождения.

Закономерно, что в прозе 1960-х годов происходит своего рода идеализация народной жизни. Связать представление об идеале с народом было вполне в духе демократических традиций почвенничества. Поиск идеала в созидательном крестьянском труде, в народной мудрости и житейском опыте качественно отличался от социальных доктрин и классовой идеологии, выходил за рамки соцреалистической эстетики. Сакрализация патриархального уклада, автобиографизм ряда повестей обусловили усиление лирического начала в прозе, актуализацию жанровой формы лирико-психологической повести: В. Солоухин «Владимирские проселки», В. Шукшин «Калина красная», В. Астафьев «Последний поклон» (1-я книга), Я. Брыль «Ніжнія Байдуны», А. Осипенко «Абжыты кут», «Канец бабінага лета», Я. Сипаков «Усе мы з хат», А. Жук «Холодная птушка» и др. Некоторые из вышеназванных произведений имеют новеллистическую структуру (В. Астафьев «Последний поклон», В. Солоухин «Владимирские проселки», Я. Сипаков «Усе мы з хат»), что объясняется как автобиографической основой (фрагментарность воспоминаний), так и стремлением авторов охватить содержание, превышающее объем повести, что и приводит к возникновению своего рода «метажанра».

В 1960–1970-е годы в контексте «деревенской прозы» формируется особый, утопический, дискурс. В рамках данного дискурса профанному настоящему противопоставляется идеальное прошлое. Как

отмечает Н.В. Ковтун, утопия «стремится к аннексии смежных областей: с одной стороны, объединяет в тексте, картине мира различные типы мирообразов и способы словесного моделирования мира (пастораль, поучение, панегирик, исповедь), к которым восходит поэтика данного вида литературного жанра; с другой — вторгается в область идеала и идеального [2, с. 15].

Причиной формирования утопического дискурса в «деревенской прозе» стало осознание и рефлексия социально-экономического и, что важнее, нравственного кризиса общества. Н.В. Ковтун подчеркивает, что «“постоттепельный” период в России (вторая половина 1960-х годов) создает весьма благоприятную почву для распространения утопических идей: в стране разрушены завоевания эпохи “культурной либерализации”, интеллектуалы уходят или в андеграунд, или в эмиграцию. Усилившееся противостояние Западу актуализирует интерес к “своему”, национальному. Возрождение традиционных ценностей рассматривается как вариант исхода, что и отражает “деревенская проза”» [2, с. 7]. Примечательно, что, в отличие от «классической утопии», в утопическом дискурсе «деревенской прозы» происходит идеализация не будущего, а прошлого, что позволило исследователям говорить о том, что «в литературу вошел еще один художественный миф — миф о “деревенской Атлантиде”» [1, т. 2, с. 82].

Однако основными достижениями «деревенской прозы» видятся не только и не столько романтизация и идеализация деревни, сколько тревога за моральное состояние общества, поиск глубинных основ духовности и культуры, что способствовало обращению к мифологической и библейской образности, формированию особого типа художественного мышления. Социально-психологическая повесть 1970–1980-х годов обогащается неомифологическими приемами моделирования реальности. Мифопоэтизм характеризуется укорененностью в универсальных гуманистических константах национальной специфики (что особенно характерно для белорусской литературы). Обращение писателей к мифопоэтическим структурам зависело от многих причин. Прежде всего, миф, имеющий обобщающий характер, оказался универсальным средством преодоления «локального» историзма и позволил перейти к художественным обобщениям другого уровня: выявить «вечные» модели личных и общественных взаимоотношений, сущностные законы окружающего мира.

Мифологизм в творчестве русских и белорусских писателей второй половины XX века носит глубоко осознанный, рефлексивный характер, что обуславливает философскую, интеллектуальную направленность их творчества, требует от читателя определенной эрудиции. При этом произведения затрагивают темы современности и «дозировка» мифологических элементов в них может быть разной: от присутствия в тексте отдельных мифологем до активного использования цитат, реминисценций, аллюзий. Отметим, что данные элементы, несомненно, используются писателями с установкой на их опознание читателем и содержат «код» художественного сообщения.

В русской и белорусской «деревенской прозе» можно выделить несколько способов применения писателями мифологической «цитации». Это наличие в тексте художественного произведения образных универсалий, отсылающих читателя к мифологическим представлениям; использование ритуально-мифологических реминисценций; интерпретация мифологических (чаще — библейских) мотивов и сюжетов. Последний вариант цитации представляется особенно интересным, поскольку имеет сюжетообразующее значение. При этом сами произведения обращены к темам современности, а присутствующие в тексте аллюзии как бы свидетельствуют о возможности мифологического толкования изображаемого или же служат средством упорядочения авторских размышлений о проблемах своего времени.

Поскольку залогом нравственности для писателей-«деревенщиков» мыслился патриархальный крестьянский уклад, основной идеей, объединившей произведения о деревне в литературное течение, стала идея возвращения к корням, малой родине, традиционным устоям. Осмысление и творческая интерпретация данной идеи обусловили апелляцию ряда писателей к евангельской притче о блудном сыне. Следует отметить, что развитие сюжета возвращения «блудного сына» в «отчий дом» имеет свою специфику в русской и белорусской литературе.

Так, повести Ф. Абрамова «Пелагея», «Алька», В. Распутина «Последний срок», «Прощание с Матерой», «Пожар» и др. свидетельствуют о невозможности возвращения, об утрате прежних нравственных основ и идеалов, об окончательном разрушении патриархального мира. Как отмечает Н.В. Ковтун, «разрушение надежд на восстановление значимости крестьянской Руси, неосуществимость циклической мо-

дели истории равнозначны гибели самой истории, ее распыления, десемантизации. Перед неотвратимостью неизбежного писатели и пытаются сохранить еще видимые, живые черты патриархального мира, уже уходящего в небытие. Именно в этом чувстве обреченности кроется причина особого трагизма мироощущения авторов» [3, с. 24]. В повестях усугубляются апокалипсические мотивы, появляются элементы антиутопии.

Белорусские прозаики не отказывают «блудному сыну» в возможности возвращения. Отречение от малой родины, утрата традиционных ценностей осмысливаются как один из этапов жизненного пути героя, после чего наступает осознание содеянного и происходит возвращение к корням. Эсхатологизм белорусской прозы (в том числе повестей В. Карамазова «Дзень Барыса і Глеба», А. Кудравца «Раданіца», В. Козько «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» и др.) обусловлен осознанием необходимости сохранения основ народной нравственности и культуры как условия национального возрождения.

Новые тенденции в развитии реализма в последней трети XX века были отмечены исследователями, утверждавшими, что «основной внутренней задачей этой литературы... было возвращение к традиции критического реализма XIX века как бы через голову соцреалистической мифологии» [1, т. 2, с. 521]. С одной стороны, гуманитарная наука справедливо отмечала преодоление канонов нормативной эстетики, совершившееся в прозе данного периода, с другой стороны, представления о «критическом» реализме XIX века требуют уточнения.

Нам представляется, что реализм XIX века корректнее определять как социально-психологический, поскольку, осваивая явления социально-исторической действительности, реализм XIX века стремился раскрыть психологию героя, детерминированную этой действительностью, еще шире — выйти за пределы исторической действительности в попытке постижения сущностных законов, конституирующих общество, движение истории, психологию личности. В.М. Маркович отмечает: «В кругозор русских реалистов-классиков (Гоголя, Достоевского, Толстого, Лескова) входит категория сверхъестественного, а вместе с ней и дореалистические по своему происхождению формы постижения запредельных реальностей — откровение, религиозно-философская утопия, миф. Рядом с эмпирическим планом появляется план

мистериальный: общественная жизнь, история, метания человеческой души получают тогда трансцендентный смысл, начинают соотноситься с такими категориями, как вечность, высшая справедливость... царство Божие на земле» [4, с. 243–244].

Заключение. Таким образом, использование в реалистической повести второй половины XX века элементов мифопоэтики актуализирует заложенные (в частности, Ф.М. Достоевским) традиции онтологической и метафизической детерминации человеческого сознания. По справедливому замечанию ученых, «именно эти, трансцендентальные, качества русского реализма приобрели отчетливо антитоталитарный (и антипопулистский) смысл в созданных в 1960–1980-е годы произведениях» [1, т. 2, с. 524].

В прозе писателей-традиционалистов происходит возрождение идей православия, осмысление экзистенциальных категорий веры, безверия, жизни, смерти, судьбы, смысла человеческого существования. В поздней «деревенской прозе» усиливаются апокалиптические мотивы, связанные с тем, что «реальность преодолевает границы патриархальной утопии» [2, с. 255] и происходит осознание разрыва современности и ушедшего патриархального миропорядка с его родовой моралью и представлениями о нравственности.

В период эстетической и когнитивной адаптации к новым историческим реалиям повесть оказывается наиболее мобильным жанром, способным совместить эпическое и психологическое, бытовое и бытийное, отразить жизнь в непрерывной динамике.

Литература

1. Лейдерман, Н.Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательский центр «Академия», 2006. — Т. 2. — С. 63.
2. Ковтун, Н.В. «Деревенская проза» в зеркале утопии / Н.В. Ковтун. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. — 494 с.
3. Ковтун, Н.В. Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика: учеб. пособие / Н.В. Ковтун. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. — 352 с.
4. Маркович, В.М. Вопрос о литературных направлениях и построении истории русской литературы XIX века / В.М. Маркович // Освобождение от догм. История русской литературы: Состояние и пути изучения. — М., 1997. — Т. 1. — С. 243–244.

Поступила в редакцию 11.04.2017 г.